Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Раиса Азарх.

Октябрь в Москве.

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Издание газеты Пролетарский Путь.

СИМБИРСК
1923.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Раиса Азарх.

ОКТЯБРЬ в МОСКВЕ

(Воспоминания).

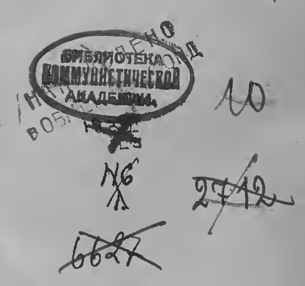
Издание газеты „Пролетарский Путь“.

Тип. № 1 Симбгубкомбината.
1 9 2 3.

Бессменному спутнику октябрьских гроз, невольно прошедшему через борьбу и победы, сыну своему единственному посвящаю

Азарх.

Предисловие.

Ежедневная лихорадочная работа по газете не дала мне возможности обработать тщательно материал. Заметки страдают и со стороны стиля, и не дают общей картины борьбы.

Когда нибудь, когда будет посвободнее, придется воспоминаниями заняться вторично. А теперь приходится ограничиваться сырым материалом.

Полагáю, что кое что из моих воспоминаний интересно нашим читателям.

РАИСА АЗАРХ.

ВОСПОМИНАНИЯ.

6 лет—небольшое мгновение в жизни мировой истории и огромный этап в жизни российских трудящихся.

За 6 лет каждый из нас, активных участников, постарел на 60 лет, прошел невиданную школу борьбы, побед и поражений и вновь побед.

И все же события шести лет почти не изгладили из памяти великие дни Октября, может быть исчезли незначительные мелочи, но все существенное ярко и выпукло сохранилось в уме.

Странно, что я с трудом вспоминаю некоторые эпизоды борьбы на фронтах, болезни и страшное переутомление ослабили память на имена, на названия местностей, но Октябрь весь жив, и ни один товарищ, ни одно событие не ускользнуло из памяти.

Трудно дать общую картину, почти невозможно лично для меня, большую часть находившуюся в районе и в бешеной скачке по городу,—дать стройную картину развивавшихся событий.

Но постараюсь поделиться с товарищами сведениями о том, что делал в Октябрьские дни Симоновский район, записать все впечатления и переживания. Если я где-нибудь ошибусь, прошу товарищей из наших боевиков—Гончарова, Лидака, Н. И. Соколова (Алешина нет уже в живых) указать.

Собирание сил района и смотр их можно считать со дня открытия Районной Думы (начало сентября), где со всем убожеством предстали представи-

тели других партий-11 эсеров и кадеты; председатель Думы, вся Управа была избрана большевистская. Вокруг последней и стала концентрироваться работа.

Симоновка, в партийном отношении представлявшая собою подрайон Рогожского района, в муниципальном была выделена, как самостоятельная единица.

Крупнейшие наши заводы—Динамо, Амо, Бари—представляли крупную базу нашего влияния, в завкоме „Динамо“ сидели свои ребята.

Избранная Управа сначала приглядывалась к той работе, которую вел старый состав Думы (эсеры) ее никакой не было, а вновь избранный заведующий продовольственным отделом, Николай Иванович Соколов, стал принимать дела у эсера Антарова.

Пришлось строить все сызнова.

Работали мы в небольшом двух'этажном домике, рядом с Симоновским Комиссариатом. Теперь этот домик уничтожен, а жаль, его над, было сохранить для Симоновки, как живой памятник революционной эпохи.

Наверху в маленькой комнатке помещался Симоновский Районный Совет Раб. Депутатов, внизу две комнатки занимала Управа, здесь же жили милиционеры, сторожа. В комнате Совета кипела работа, всегда кто-нибудь приходил, советовался, получал инструкции и шел по заводам.

В начале октября чувствовалось, что положение обостряется. Мы, районные Управы, совершенно не считались с Центральной Городской Управой и Думой, не получали от нее ни одной копейки кредита, жили на свои средства, при чем я совершенно не припомню, в чем они фактически выражались, если не считать хлеба, который распределял продовольственный отдел.

Еще до избрания в Управу, я была старшим

врачом Калитниковского беженского поселка, на поселке была небольшая больница, аптека, амбулатория, все это и было нашими санитарными ресурсами.

Что мы делали месяц от выборов Управы до начала октябрьских дней, точно не припомню, собирались один раз в здании Городской Думы, принимали положение о муниципальных задачах, помню 2 или 3 заседания ответственных работников Московской организации и доклад тов. Шлихтера о его продовольственной политике „равнение по голоду“,—но за то в эти дни шла деятельная работа в районах, которая, если судить по Симоновке, целиком группировалась вокруг Районных Управ.

Необходимость выступления и захвата власти вырисовывалась с очевидностью.

Примерно с 22-го октября мы уже целиком находились на местах, из центра приходили вести, одна другой противоречивее, затем длительные заседания Московского Совета, где мы имели большинство и, наконец, заседание в Политехническом училище, где выступление решилось окончательно

Назревали события.

Мы стали готовиться. Оружия ни у кого не было, да и надо отдать должное, как то о нем мало думали. Как мы себе представляли конкретно борьбу, восстание,—пожалуй, реально никак.

Один раз в беседе о предстоящем я сказала товарищам—надо приготовить санитарную помощь. Если будут бои—будут раненые.

Все с этим согласились и, не откладывая дело в долгий ящик, я отправилась на „Амо“ со старым Амовским большевиком Смирновым. Пошли мы с ним в солдатский комитет при заводе. На нем работали целые автомобильные части по сборке приходящих из-за границы машин.

Как-то было не по себе. Как отнесутся к моему предложению солдаты?

В комитете нас попросили подождать, покуда соберут главных. Я рассказала собравшимся товарищам, что мы ожидаем выступления, кадеты так не сдадутся, возможны с их стороны нападения на наши части Для этого нам нужно организовать санитарную помощь.

Требуются исправные хорошие машины, с надежными преданными шоферами. Сейчас же с этого собрания мы отправились в завод и на склады, выяснили у администрации, что недавно прибыло 75 новых машин санитарно-усовершенствованного образца. Комитет взялся их в срочном порядке собрать. „А нужны-ли будут грузовые машины"—спрашивает кто-то?

Конечно, отвечаем мы с Лидаком, пришедшим уже к этому времени из Совета.

На Амо закипело, лихорадочно началась подготовка автомобилей и можно без преувеличения сказать, что Амовские санитарки и грузовики сыграли огромную роль в Октябрьские дни.

Кто из участников не помнит закрытые каретки с красным крестом по бокам или тяжелые грузовики, снующие по городу, развозящие во все районы патроны с наших Симоновских складов, или легковые машины, которые как молнии носились по всем направлениям, порой под градом пуль.

Амовские шоферы были в полушубках, и ненависть к амовским большевикам со стороны юнкеров была так велика, что каждому захваченному в плен шоферу, будь он только в белом полушубке, грозил немедленный расстрел.

Из наших попало двое, которые и не вернулись.

Вопрос с передвижением был решен, надо

было приготовить медикаменты и людей. Маленькую аптечку у Амо, всю аптеку на поселке я объявила неприкосновенной, приказав установить бессменные дежурства.

В дальнейшем развертывании ярко помню длинные заседания Московского Совета и одновременно на Сухаревской, в здании Торговой Биржи заседания гласных районных дум.

Председательствовал, кажется, Владимирский. Кадеты—вкупе с эсерами и меньшевиками. Уже тогда наметилось трогательное единение их: старались сорвать собрание, устраивали обструкции. Симоновская Дума в полном составе прибыла на грузовиках.

Для чего-то я поехала в Московский Совет. В корридоре меня встречают Смирнов (Рог. Района), член Исполкома и, задыхаясь, говорит:

— „Поезжайте на собрание Дум, скажите председателю, чтобы собрание скорей закрывали, чтобы все разъезжались по районам, выступление решено."

Влетаю в помещение Торговой Биржи. Шум, гам стоит невообразимый. Меньшевики и кадеты орут, наши поют Интернационал.

Передаю сообщение, предупреждаю, что пока все надо сохранить в тайне, сохраняя порядок, чтобы не получилось здесь-же кровопролития, а ведь там собралась вся головка Московской организации. Страсти настолько разгорелись, что у каждого чесались кулаки.

* * *

Организовался Военно-Рев. Комитет. По районам выделили комиссаров. При них активное ядро большевиков. Мне поручили организовывать санитарные отряды, которые могли бы нести и разведку.

Пришли с собрания, Симоновцы поехали домой, я на Амо, выбрала хорошую санитарную машину, съездила на поселок, забрала фельдшериц, сиделок, медикаменты, белье, со всем этим отправилась в центр, и внизу Совета развернула госпиталь. Мой персонал повиновался беспрекословно, сиделки с полным сознанием происходящего, фельдшерицы немного кисло.

Часам к 2 ночи в Московском Совете собрались из районов все руководители. На окраинах сидеть было невтерпежь.

В тишине октябрьской ночи, где-то прозвучал выстрел, потом другой, третий.

Где то новым незнакомым звуком прозвучал пулемет.

Началось.

Не было боязни за будущее, а какое-то замирание внутри.

* * *

Из комнаты, где заседал Военно Революционный Комитет, ежеминутно приходили товарищи с сообщениями.

Все внимание было сосредоточено вокруг Кремля, где оказался в ловушке 56 полк.

Медленно тянется час, другой.

В лазарете все организованно, пришел первый раненый в ногу.

Первая кровь.

Где идут бои, где противник, где наши, никто решительно не знал.

Неизвестность, неосведомленность была и в самом Штабе.

Иду к Аросеву, предлагаю организовать разведку. Назначаюсь.

Задание—обследовать район расположения противника вокруг Совета по Лубянке, Китай Городу и Красной Площади.

Машина с амовцем наготове.

Несколько шоферов спорят—кому ехать, каждый рвется вперед.

Выбираю наиболее известного, беру в качестве санитарки—кажется, Аню Васильеву, работницу с Динамо, кладем носилки, едем. Ночь сырая, холодная, моросит дождь.

Еду рядом с шофером, спускаемся прямо с площади к Охотному ряду, по Тверской.

Шофер наклоняет голову после жужжания.

— Берегитесь—пули.

Благополучно выезжаем к Думе.

Стой, пропуск, за ранеными в Кремль.

„Езжайте, езжайте, сестрица, много мы их нахлопали, так грудами и лежат"

„Только у самой стены большевики залегли".

Красная площадь, немая, безмолвная, объезжаем кругом

В темноте у Лобного места заметны какие то тени.

Подъезжаем ближе. Ударницы.

Бросаются к нам с разспросами

— Что такое, скоро-ли их сменят, где большевики, из какого мы отряда?

Одна из них, вероятно офицер неожиданно спрашивает: Ваш пропуск и удостоверение.

Показываю ей удостоверение, что я врач 128-го Сводного Госпиталя, успокаивается.

Узнаем расположение сил на Красной Площади.

Если не ошибаюсь, картина такова: вокруг Кремля со стороны Красной Площади несколько колец.

Сначала ударницы, потом наша часть, посланная на выручку 56-му полку, потом юнкера, сжавшие в тиски 56 полк, запертый и расстреливаемый по одиночке.

Со стороны Замоскворецкого моста частей нет, только патрули.

Едем безпрепятственно по Думской площади, выезжаем к Лубянке.

И вдруг неожиданно попадаем в самую цепь.

Наша или юнкерская—надо выяснить. Выхожу из машины, спрашиваю—есть-ли раненые.

— „Да вы с ума сошли, бросает мне юнкерский офицер. Куда Вы лезете, на смерть, ведь эти негодяи моментально Вас подстрелят". „А много их?" Не разберешь, наверно несколько сотен, и прут они, как бешеные".

Прохожу по цепи под предлогом поиска раненых, об'езжая по Лубянскому проезду, Покровке, Маросейке, под'ехали в тыл нашим расположениям.

„Стой, куда, огонь", кричит патруль Достаем пропуска, распрашиваем положение. Навстречу—командующий, передаю расположение сил противника, у него горят глаза от радости.

— Сейчас обойдем их с тыла.

Строчит донесение, потом его рвет.

— Передайте на словах видите сами положение.

Увлеклись мы, обследовели все переулки, шофер оказался москвич, знающий Москву как свои пять пальцев.

За все путешествие, несмотря на то, что местами проезжали под градом перекрестного огня, легко в палец царапнуло только шофера, за то верх санитарки местами был продырявлен, как решето.

Обращаюсь к своим.

— Не боязно,—„нет, вот только бы в плен не попасть".

Эта перспектива сбылась уже на вторую ночь.

Катим в Совет. Аросев сияет, жмет руку, тащит Муралова, показывает ему на карте, что

нам удалось узнать, и мою жалкую мокрую фигуру на 9 месяце беременности.

А как нас с разведки встретили Симоновцы, несколько часов назад провожавшие с бесконечной любовью и болью!.

Алешин тот все сам рвался, еле его удалось уговорить, что это ни к чему, что я сама справлюсь, и если погибну, то одна.

Когда рассвело, картина нижнего этажа Совета была такова.

Кто дремлет в углу, кто ходит из комнаты в комнату, уже тогда завелась комната оружия, с заведующим выдачей тов. Розенталем, с которым мне потом все время приходилось вести товарообмен, ругаться и вновь мириться, следить за тем, как-бы Розенталь не обсчитал, я любила эту комнату, из которой раздавалось оружие рабочим.

По утру порешили по районам раз'ехаться и готовиться к боям.

Если не ошибаюсь в Совете из нашего района были—Гончаров, Алешин, Вомба, Соколов, Лидак.

В районе оставались—Смирнов, Уханов, Борисов Илья, Борисов Иван.

Еще накануне в Московский Совет мы направили наш отряд Красной Гвардии с Гончаренко во главе.

Ехали домой по улицам—этот путь так и остался еинственным нервом, связывавшим нас с Центром

По Тверской, Садовой, Сухаревке мимо Курского вокзала по Таганке, Спасской Заставе и мимо Крутицких казарм.

Всюду тихо, город как вымер.

В Крутицких казармах стояла школа юнкеров, в ней тишина, но какая-то затаенная, выжидающая.

Переезжаем окружную ветку и глазам представляется картина.

На Валу Симоновских складов стоит пулемет, и возле него несколько юнкеров, а по трамвайной линии пост, какой-то студентик кричит.

— Стой машина.

Делать нечего. Выходим. Кто?..

— Врач, показываю удостоверение.

— Отдайте машину

Подходим к Совету. Против него стоит грузовик с юнкерами, пожалуй только тогда мы узнали, какими богатствами располагаем—Симоновским и пороховыми складами.

Они грузят патроны, спрашивают где руководители. Возле них группа рабочих, а поодаль небольшие кучки собирающихся товарищей. На расспросы один ответ—не знаем.

Уехали.

Мы не причем. У маленького мостика совещаемся, передают, что Симоновцы готовы пойти на юнкеров сплошной стеной, но в районе 2 берданки, настроение милиции не выяснено, пока на призывы ареста большевиков они отговариваются отсутствием начальника. (Накануне комиссар милиции левый эс-ер Горшков упал с лошади и больно расшибся), но что они будут делать через час—неизвестно.

Неизвестно было и отношение Горшкова. (Потом Горшков сражался с нами в первых рядах, руководил боями на Ильинке, через несколько месяцев вступил к нам в партию и теперь наш твердый испытанный товарищ).

Вступить в бой с вооруженными до зубов юнкерами голыми руками было-бы безрассудно.

Надо требовать подкрепление, оружие, - но как?

Центр сам просит вооруженную силу.

Одна надежда на Замоскворечье, там стоят воинские части, сочувствующий нам 55 полк команды выздоравливающих, 2 роты 193 полка.

Решили послать в Замоскворечье меня, юнкера на санитарке выпустят, требую подкрепление, мотивирую необходимостью овладения Симоновскими пороховыми складами, которые повидимому и юкерами считались опорным пунктом.

Ни мы, ни товарищи в центре не знали о их запасах, ни о их значении. Теперь все стало ясно.

Симоновка загудела, высыпали на улицу женщины, дети, каждый понимал, что быть юнкерской —рабочая слобода не может.

А я помчалась достать части, освободить склады во что-бы то ни стало.

Ехали напрямик, через Краснохолмский мост, выбирать дорогу некогда было. Там где были наши части, отмалчивались и летели как стрела, на юнкерских заставах выручал мой билет военного врача.

Как снег, свалились на голову замоскворецких товарищей. Перед Советом на площади я увидела другую картину, чем у нас.

Строились части, среди них были солдаты, рабочие, женщины. Посредине улицы устанавливались баррикады: огромные тюки хлопка преграждали путь, оставляя маленький проход.

—„Никого мы Вам не можем дать, вот предложение: пойдите сами в 55 полк, может быть и наберете желающих, отправьтесь в команду выздоравливающих, они колеблятся, может быть что нибудь и выйдет".

Илья Цивцивадзе носился как угорелый по штабу, у них уже работа кипела. Файдыш с важным видом исследовал карту, отдавая кому-то распоряжения.

Центр требует подкрепления, мы его думаем

переправить вечером на лодках так как мосты заняты", тихо делятся со мной своими планами товарищи.

А Симоновка? И передо мной выростает Совет, брошеные наши товарищи — хозяйничающие юнкера.

Мне дают из штаба товарища, фамилию его забыла, рабочий с завода Михельсона, мы с ним едем.

В 55-м полку нас проводят в канцелярию, долго ждем кого-нибудь из Комитета, приходит кто то нехотя отвечает, что солдаты на занятии, пропустить нас к ним он не может, надо подождать.

— „Как ждать, вспыхиваю я, а может уже юнкера всю Симоновку перерезали"!

— Не могу знать, слышится короткий ответ.

Приходит еще кто то, мы начинаем настаивать куда-то звонят, все это делается еле поворачиваясь, а мне хочется всем им вместе взятым головы посворачивать.

После нашего категорического требования нас пускают к одной из рот.

Встречают дружно.

— „Идем, все идем, пусть выдадут оружие".

Оживились все, стали строиться, побежали искать ключи от оружия, пока их нашли, принесли,—меня всю бросало и в жар и в холод.

Когда уже почти все было готово, бегут из Штаба, требуя эту часть, так как Центральный Совет категорически требует подкрепления.

— „Одна надежда для Вас, идите в команду выздоравливающих".

Опять проволочка, покуда нашли начальство, собрали солдат, набрали человек 100 желающих, оружие, нашли патроны, берданки и стали заряжать патроном, глядь они от трехлинеек. Сразу пыл пропал, позвонили на ужин, мои дружинники

отпросились поесть. Наконец и винтовки и патроны готовы.

Как же итти в наступление без пулемета?

Лечу в штаб

— „Дайте пулемет!“

Нет у нас, знаете, поезжайте в 193 полк, у них есть несколько пулеметов, они активно не выступают, но пулеметы наверно дадут.

Полк расположен по ту сторону Крымского моста, мост под обстрелом, на том берегу юнкерские заставы. Делать нечего. Но нужен пулемет. Значит, нужно его достать.

На беду, когда мы стали выезжать, какая-то „паника“, (так мы называли трусов) бросился к шоферу с криком:

— „Не езжайте на мост, там стреляют, вот видите я ранен“.

Шофер заколебался, но все-же поехал.

Никто нас, конечно, не подстрелил и вот мы в штабе полка.

„Зачем пулемет, да откуда Вы, да почему, мы не ввязываемся, говорит мне какой то офицер.

Возле нас собралась группа солдат, одобрительно поддерживая меня в требовании пулемета, глядим, а уж несколько товарищей, тащут два максима. Не беда, что они потом оказались негодными, все же для вящего убеждения в нужную минуту они пригодились.

Вернулись с пулеметом, отряд терпеливо ждет, некоторые собираются. Трогаемся в путь.

Даю маршрут, направление, точное обозначение юнкерских застав, их численность. Летим в Симоновку.

Что-то там? На дворе ночь, возле крупицких казарм юнкера нас приветливо встречают залпом. Мимо летим дальше.

На ветке закрыт переезд, а на телеграфном

столбе кусок изогнутой жести, бросающий свет на дорогу, и оставляющий в темноте другую сторону.

„Стой—пропуск". Вылезаю из машины, сердце заекало. „Все погибло". Юнкера. Все равно: „Пропуск вот".

Вдруг возглас:

— „Тов. Азарх' !!

И я попадаю в чьи-то об'ятья.

Оступаюсь и лечу на шею товарищам, сидящим в окопах. Навстречу мне тянутся руки, знакомые лица, сверкающие глаза.

„Видите, что успели сделать! Вот и винтовки есть, покуда пяток"

Ко мне возвращается дар голоса, захлебываюсь, сообщаю, что идет подкрепление.

В Совет, скорее. На подножку автомобиля вскакивает молодой Кузьмин, я его потом встретила взрослым орлом ад'ютантом тов. Примакова, командира червонного корпуса, в боях он несколько раз ранен, проявил львиную храбрость „Я вас провожу, а то ведь кругом трупы".

„Кто погиб, кто уцелел, трупы!.. О"!

— Да не трупы, а трубы Здесь их лежала целая куча бетонных, мы устроили заграждение, 3 ю линию.

Еще несколько секунд, и я среди штаба.

Слушают, обнимают, радуются.

И рассказывают на перебой, что произошло.

— „Юнкеров-то нет, когда стало темнеть, они видя, что что-то готовится, нагрузили автомобили, пулемет свой забрали, сказали, что сейчас вернутся, а сами драла. А мы приготовились их достойно встретить. За несколько часов совершились чудеса, на Динамо дали гудок, да и без гудка все были на ногах, готовили окопы, баррикады, настроение боевое, надо оружие. тогда не только сами сумеем защититься, но и центру поможем".

Надо оружие.

Через час я уже была в Моск. Совете, перед светлыми Розенталевыми очами.

Рассказала о наших делах, о моих мытар ствах в Замоскворечьи, о необходимости, или вернуть нам наш красно гвардейский отряд, или дать человек 75 военных товарищей, оружие..

Доказывала Аросеву важность Симоновских пороховых складов.

— Поищите по Совету, может быть найдете желающих, попробуйте разбудить спящих на верху.

Ну и вторая ночь без отдыха.

Буквально по телам пробралась к коменданту, и уже с ним пошла набирать. Подходим, бужу.

Товарищи—„Симоновке угрожают юнкера, нужно помочь рабочим, продержатсья эту ночь",— разбуженный вскакивает.

Куда, где?

И прямо едет к автомобилям.

Розенталь раздобрился, дал 75 винтовок, погрузив и винтовки и людей в несколько машин, летим в район.

Винтовки выгружают с любовью, каждый просит себе.

А аппарат уже работает.

Митавский ведет учет ружьям, Борисов Иван хозяйничает по продовольствию, никто не спит, хотя уже рассвет.

Мы начали.

* * *

Дни бегут мгновениями, горит душа, все помыслы сосредоточены на одном—„победить".

Положение Московского Совета тяжелое, амовские санитары перевозят часть Военно Революционного Комитета в Замоскворечье. Связи с Замоскворечьем нет, надо прорваться к товарищам, отвезти распоряжения

Аросев дает задание. Оно выполнено. Юнкера одурачены, поняли в чем дело только тогда, когда автомобиль был уже насредине моста Сплошная завеса огня и с нашей стороны и с белой.

Опять Замоскворецкий штаб, который недоверчиво ощупывает меня, жива-ли, не ранена.

И передает—что готовится!

Ласково улыбается—Аросев.

— „Вот что. С замоскворечинами Вы нас связали, а вот у Вас самих дело плохо. Мы получили донесение, что по окружной ветке лущена артиллерия, высажена примерно в районе Калитников. Двинуть против нее из центра части мы не можем, дорог каждый боец. Попробуйте ее взять сами. Она без прикрытия и если человек 10—15 смельчаков кинутся очертя голову вперед, прислуга орудий разбежится".

Сказано—сделано. Прикрытие мне рисовалось ну чем то вроде навеса.

—„Только надо раньше выяснить у железнодорожников, где она. Поезжайте на Курский, там свои ребята, они помогут".

Не своих ребят встретила я, на Курском вокзале, а викжельцев розовых, которые на мои расспросы об артиллерии сначала улыбались (представьте себе вояку—небольшую женщину, в котиковой накидке и шляпе), а потом спросили, откуда я Не знаю удалось ли мне-бы оттуда выбраться, но придумала оговорку, что, мол, с этой артиллерией санитарный отряд, для комитета безопасности *) Уж и проклинала я после этого нашу связь и осведомленность—кто где сидит.

Решили розыскать артиллерию сами В штабе об этом походе знал один Гончаров, не хотелось пугать ребяток словами „артиллерия" и наводить

*) Комитет безопасности -это боевой штаб юнкеров, кадетов, эсэров, меньшевиков.

панику, так как и для меня самой это было нечто чрезвычайно грозное.

Горшков, коммисар Симоновской милиции, еле оправившись от полученных ран, подобрал из своих ребяток человек 5 6, готовых идти на верную смерть, из ячейки Калитниковского поселка прихватили Грицевича и Козловского. Поздно ночью соблюдая всякие предосторожности, поехали брать в плен артиллерию.

Раньше надо было розыскать, где она. Рассыпались цепью по всей ветке, безрезультатно.

Когда стало светать, Грицевича нарядили в штатский костюм, дали в руки чемоданчик, как вояжер—острили товарищи, он отправился в поиски, прихватив одного из милиционеров.

Вернулся усталый, грязный, нигде ее нет. Так ничем и кончилось наше героическое похождение.

Потом в Центре мне сказали, что произошла ошибка, артиллерия пыталась высадиться в Сокольниках (от Симоновки ближний свет, так верстах в 10 по железной дороге).

* * *

Как-то выклянчивая у Розенталя сотню винтовок, я услышала, как представитель какой то части требовал трехлинейных патронов несколько десятков тысяч. Розенталь уговаривал его, что патронов нет и надо их экономить.

—„Как нет“—растерянно прервала я. „Да у нас в Симоновских складах, десятки миллионов, разных образцов, есть снаряды, все что угодно“.

После нашествия юнкеров мы овладели Симоновскими погребами, назначили туда комиссаром Лидака, который и взял бразды правления и над администрацией и над конвойной командой.

Патронов у нас было хот пруд пруди, винтовок не было

Розенталь в пляс пустился.

„Ну как же их оттуда доставить, если Вы сами еле из района пробираетесь“.

„Берусь доставить на амовских грузовиках, на товарообмен. Вы нам винтовок, мы вам патроны“.

„Идет“. Через несколько часов патроны были в Совете, а винтовки в районе. И после этого из других районов к нам за патронами и снарядами приезжали, с большой охраной, на своих уже грузовиках.

Товарищи из Сокольников так прямо вагоном по ветке прикатили.

Закипело повсюду.

Лидак голову потерял, совсем парень упарился, а наши снарядики и патроны по юнкерским головам трещат. Сначала размерами ошибались, а потом научились

Жаль, что Лидак по этой части окончательно не пошел Крупный хозяйственник из него вышел бы.

Розузнали юнкера о нашем открытии и каким-то образом под шумиху по подложным документам один грузовик патронов получили.

Узнав об этом (грузовик в наши руки и попал) мы с Розенталем договорились, что по районным требованиям не отпускать, требуется виза центра. а так как подписи можно подделать, то с В. Р. Комитетом договорились, что вторая подпись должна быть Розенталя.

Все это под строгой конспирацией.

Шум, скандалы пошли, приезжают товарищи еле прорвались, под обстрелом были, патронов не даем, в центр за визой посылаем, т е. опять под обстрел.

Жестокая вещь—но необходимо. Конечно, если знали в лицо товарищей, то сомнения отпадали, а бумажкам не верили. Твердокаменностью отличались все мы—и Гончаров, и Алешин и я

Славный случай произошел на этой почве.

— Сидим мы ночью в Штабе. Я и Алешин. Гончаров с ног свалился в соседней комнате всхрапнул, товарищи кто в окопах, кто отправился на часок вздремнуть.

Маленькая комнатка штаба. В помещении ни души.

Караула никакого, ведь мы в рабочем центре.

С шумом распахивается дверь, влетают два молодых человека, один в штатском по старше, другой совсем юноша, в военном. „Скорее, скорее, ради Бога скорее не задерживайте.

В складе не дают патронов и снарядов. Мы на грузовике с охраной.

У нас идет решающий бой на Остоженке. Снаряды на исходе, каждая минута дорога."

Выпалил и в изнеможении опустился на стул старший.

„Ох устал, товарищи, нет-ли у Вас поблизости аптеки, мне нужно кокаину".

— „Вот здесь доктор, он поможет"—улыбаясь говорит Алешин

„Ах доктор помогите, мне надо кокаину, мой весь вышел".

Меня передернуло. Такую ответственную работу товарищи Замоскворечья поручают кокаинисту.

Просматриваем документы, все в порядке. Виза центра нужна--говорю.

„Ты с ума спятил—таращит на меня глаза Алешин, ведь у них бои, а ты виза.

„Вы под суд пойдете, если не дадите немедленно", горячится старший, „отпустите немедленно.

„Не отпущу,—Ваши партийные билеты'. Все в порядке, начинаю колебаться.

Младший, в военном нервно ходящий по нашему штабу и читающий об явления на стене, поворачивается к нам лицом.

— Не дают, и не надо едем скорее обратно, хоть скажем своим, что нет поддержки. Лицо у него тонкое, белое. Взгляд мой падает на бляху пояса. На ней красуется „А“ сверху вензель и корона.

(Алексеевское военное училище, главный оплот белых).

Собираю всю свою силу, ни один мускул не дрогнул в лице, стискиваю зубы и любезно говорю: „Пожалуй Вы правы. Снаряды надо выдать и без визы. Сейчас позвоню в склад Лидаку“.

„Так бы и давно“,—рады и гости и опешивший от перемены моего настроения Алешин.

В штабе мы с Алешиным бодрствуем, за спиной выводит ноты Гончаров, ни у кого оружия, и ни одного патрульного.

Оставляя Алешина с гостями, бегу к Гончарову.

— „Юнкера с подложными документами, тихо, не кричите, выйдите, созовите людей но незаметно, надо все обставить без кровопролития“.

А сама покойно возвращаюсь в Штаб.

— „Скоро-ли,—торопятся юнкера. Сейчас принесут Вам пропуска, пусть автомобиль в склад в‘езжает.—Нет мы уже вместе.

Через три четыре минуты заходит потягиваясь Гончаров потом как-бы случайно Борисов и еще и еще товарищи.

По корридору слышно бряцание винтовок.

„Скоро-ли пропуск“.

— „Пишу“.

„А скажите-что это у вас на поясе написано“, задаю невинный вопрос младшему.

С ужасом он хватается за предательскую бляху, а уж его сзади держат трое.

Как кур переловили и сидящих в автомобиле, бежало 2 или 3.

Оказалось, конечно юнкера, среди них 2—3

обыкновенных вора. При обыске... обнаружены кольца, золотые деньги, серебрянные ложки. Белые ничем не гнушались, а потом „большевики грабили“, говорили обыватели.

Уж радости было в районе, правда о юнкерском пленнике стала легендой для симоновской детворы.

* * *

Из снабжения оружием района вспоминается эпизод.

Из Питера пришло несколько вагонов винтовок, так из вагонов и разбирали их в районы и части.

Чтобы из Симоновки проехать на Николаевский вокзал, было 2 опасных пункта—за Красными воротами, и при под'еме с Курского вокзала на Таганку.

3 грузовика с пулеметами и надежнейшими товарищами отправились в эту экспедицию.

Горшков во главе военных сил, я как идейный руководитель.

Туда проехали благополучно, нагрузили, винтовки все новые, блестящие, прямо в ящиках покойненько лежат.

Где обстрел —остановимся, сами постреляем, ружья на изготовке, летим, надо вооружить весь район, так как наступают решительные дни.

Не доезжая Курского вокзала, навстречу нам бежит патруль—остановитесь, на Таганке, юнкера, их разведка пронюхала, что Вы за винтовками поехали, установили пулеметы, не ездите, все погибнете.

Останавливаем машины, устраиваем совещание, все за то, чтобы прорваться, район без оружия, имеющееся—пустяки, юнкера могут его голыми руками взять, здесь лучшие боевые силы.

Ни тени страха, хотя впереди верная смерть.

Когда мы совещались, к нам подошли два товарища, оказалось что они из Питера, пробираются в Совет, слыша наши обсуждения, жмут всем руки, говорят:

„Если таково настроение всех московских рабочих, мы победим, победим во что-бы то ни стало".

Устанавливаем автомобили вперед, заряжаем винтовки, даем полный ход машинам и как птицы взлетаем на Таганский под'ем, по Таганке к Крутицам, вот и Симоновка А там волнение, разведка донесла, что на Таганке юнкера. Радости сколько-было при виде нас.

* * *

В центре борьба разростается. Юнкеров выбили из Алексеевского военного училища, заняли все их опорные пункты, держались еще торговые ряды, Арбат-Пречистенка, Воздвиженка, Александровское военное училище, Дума и Кремль. Все тесней и тесней сжималось кольцо районов, перешедших в наступление. Белые попытались перемирием оттянуть время, но это перемирие мы приняли не очень любезно, продолжая развивать наступление.

И в районе мы готовились, оружия было вдоволь, даже запас образовался.

Несколько раз Аросев спрашивал—готовы ли мы и получив утвердительный ответ—готовы, говорил: ждите приказа, единого, по разработанному плану для всех районов.

Замоскворечье, Московский Кронштадт, уже дралось у храма Христа-спасителя, подошли к Арбату, овладел Крымским мостом, и бомбардировали осиное гнездо.

Наконец пришла и наша очередь.

„Выйти боевым порядком, оставив в рай

оне только для поддержания порядка, через Таганку к Солянке выйти на Варварскую площадь с боем и окопаться".

Я уже совсем к военному языку привыкла, это распоряжение относилось и к Рогожцам, мгновенно оно было передано и Рогожскому штабу.

Решили двигаться, чтобы скорее было—на грузовиках.

Длинной цепью растянулись по дороге, плохо дело идет, грузовик один остановится, починяет что-то, стоим все. У Спасской заставы оставили их, выстроились и пошли пешком.

На Таганке задержка, остановили колонны на Воронцовской.

Оказалось, из Лефортовского района тяжелая артиллерия идет на Воробьевы горы. Прикрытия пехоты (тут я поняла, как она прикрывается), целые вереницы лошадей. Среди нашей новоиспеченной армии взрыв восторга —вот какая силища!

Покуда пропускали артиллерию—посовещались и решили меня вперед разведкой послать, обследовать по пути нашего маршрута все переулки и прилегающие части на предмет неожиданных сюрпризов.

Только начали спускаться к Яузской больнице, из белого дома на правой стороне нас как дождем осыпали пулями. Оцепили дом, благословили засевшую банду.

До сих пор этот дом на пути следования нашего сохранил—следы обстрела.

На улицах темнота, издали слышится непрекращающаяся стрельба. Наконец от Солянки по переулку выбрались к Маросейке и вдруг совершенно неожиданно в'ехали в линию огня.

„Огни тушите, куда Вы",—срывается с панели.

Тушим огни, стали, ждем. Где, кто, наши-ли.

Прячем пропуска, удостоверения в специ-

ально для этого устроенное отверстие. Проходят несколько томительных минут.

— „Что за автомобиль“—спрашивает голос у патруля.

— „Наши, конечно“.

— „Почему так думаешь“.

— „Да видишь баба сидит, заставишь юнкерских баб в огонь соваться“.

Аргумент и для меня был убедителен, сообщила товарищам, что идут два пролетарских района, что сегодня в ночь атака на Китай-Город и Кремль. Оказалось, что белые очистили Варварскую площадь, но заняли над ней командующие высоты, на огромных домах установили пулеметы и деруться как львы, поливая кровью каждую пядь земли.

Возвращаюсь к своим, конечно окопаться на асфальте и камнях Варварской площади не удается, наши залегают у самых стен Китай-Города, пользуясь темнотой, пробираются к Ильинским воротам, которые нам, Симоновцам, надлежит взять.

Рогожцы идут штурмом на Варварские ворота.

В темноте иду вдоль цепей, наталкиваясь на товарищей.

У самого сквера встречаю Гончаренко, оставленного для связи

—„Поставили меня здесь как дурня и стой. Ни тебе пострелять, ни тебе Ильинку брать“.

А кругом с крыш домов пулеметы не прекращают стрельбу.

Целую ночь длились бои за обладание ворот Юнкера у входов устроили окопы, проволочные заграждения, все это было сметено нашим натиском.

На утро мы уже занимали Ильинку, под перекрестным огнем из окон магазинов и чердаков.

Медленно продвигаясь, части выходят на Кра-

сную площадь. С Воробьевых гор тяжелая артиллерия бомбардирует Кремль, рука об руку с наступающими частями.

— Давайте подкрепление, мы устали, части должны быть после этой ночи сменены.

Опять район, и на этот раз на мой призыв мобилизуются все. Вот на ходу прячущий винтовку, идет Смирнов, следом за ним в автомобиль с винтовкой лезет какая-то женщина. Вы куда.— „Умереть вместе с мужем“, покойно отвечает она. Это был прообраз парижской коммунарки.

Симоновка дала все что могла, тоже сделали другие районы, весь пролетариат Москвы напряг все силы и победил.

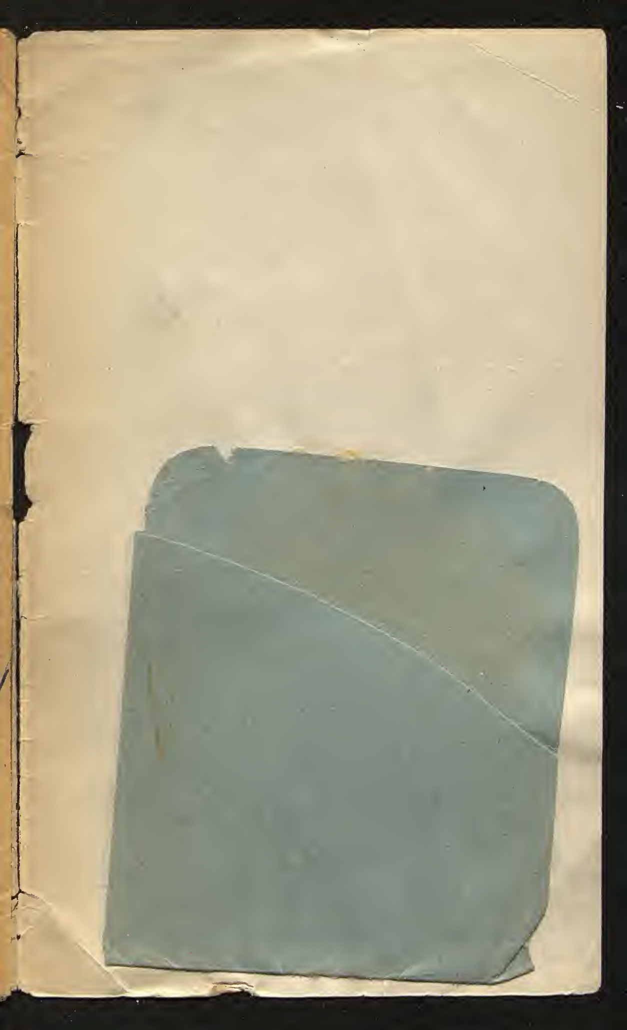
В 4 часа вечера был взят Кремль. Когда эту весть принес маленький Кузьмичев, раненый осколком в лоб, все мы почувствовали вдруг адскую усталость и многим сразу захотелось спать. Через час я впервые после 9 дней легла и сразу проспала 26 часов, проснулась, вероятно, под влиянием адского голода.

Ждала уже работа, новое строительство.

Раиса Азарх.

Прил. к газ. „Прол Путь“ № 207-602.

10